РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АЛХИМИИ И АЛХИМИКАХ

И.А.Хичкок

1857

Итан Аллан Хичкок

Размышления об алхимии и алхимиках

«Автор»
2025

Хичкок И.

Размышления об алхимии и алхимиках / И. Хичкок — «Автор», 2025

В книге «Размышления об алхимии и алхимиках» (1857) Итан Аллен Хитчкок (1798–1870) бросает вызов общепринятому представлению об алхимии как о лженауке по созданию золота. Он убедительно доказывает, что истинным предметом изучения алхимиков был человек, а их конечной целью — его духовное совершенствование и нравственное преображение. Автор тщательно расшифровывает символический язык алхимических текстов, доказывая, что такие понятия, как «философский камень» и «трансмутация металлов», были аллегориями очищения человеческой души. Опираясь на многочисленные первоисточники, Хитчкок опровергает исторический образ алхимиков как шарлатанов, представляя их глубокими религиозными и философскими мыслителями.

© Хичкок И., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Предисловие переводчика 5
ПРЕДИСЛОВИЕ. Введение и переосмысление алхимии. 6
Глава 1. Критика существующих взглядов и истинная природа алхимии 11
Глава 2. Духовные основы алхимии 13
Глава 3. Символизм в алхимии: Человек как Предмет 17
Глава 4. Путь к Камню: Совесть как философская ртуть 21
Глава 5. Анализ трудов адептов: Голланд, Артефий и Валентин 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Итан Аллан Хичкок
Размышления об алхимии и алхимиках

Предисловие переводчика

Уважаемый читатель,

Предлагаемый вашему вниманию труд представляет собой неординарное исследование истинной природы алхимии. Автор утверждает, что **«Великое Делание»** не было поиском материального золота, а путем духовного самосовершенствования человека.

Следует отметить особенность данной публикации. В своем первоначальном виде данный трактат представлял собой единый, непрерывный поток размышлений, не разделенный на главы. Автор последовательно развивал свою мысль, переходя от одного аспекта к другому в едином повествовании.

Осознавая, что современный читатель привык к более структурированному изложению, и дабы облегчить навигацию по плотному и насыщенному материалу, я, в качестве переводчика, счел целесообразным ввести разделение на главы. Это разделение было произведено следуя внутренней логике автора: от общего переосмысления алхимии, анализу символического языка и, к разбору трудов конкретных адептов и философским выводам.

Важно подчеркнуть, что данное нововведение носит исключительно структурный характер. Текст оригинала остался нетронутым, и в его содержание не было внесено никаких смысловых правок или добавлений. Оглавление призвано служить лишь путеводителем, который поможет вам лучше ориентироваться в аргументации автора.

Выражаю надежду, что эта небольшая редакторская помощь позволит вам с большим удобством проследить за мыслью автора и в полной мере оценить глубину и оригинальность его взгляда на герметическую философию.

С уважением,

Г.Т.
2025

ПРЕДИСЛОВИЕ. Введение и переосмысление алхимии.

Автору следующих размышлений может показаться излишним доказывать, что он не ставит целью возродить изучение алхимии или методы, которыми пользовались алхимики. Алхимические труды соотносятся с нравственной и умственной географией примерно так же, как скелеты ихтиозавров и плезиозавров – с геологией. Это своего рода окаменевшие мыслеформы минувших эпох.

Именно с этой точки зрения автор этих страниц предлагает свои суждения об алхимии на суд публики. Он убежден, что и личности алхимиков, и предмет их изысканий почти всегда понимались неверно; и хотя этот вопрос относится к прошлому, он считает достаточно важным сделать шаг в верном направлении, дабы раскрыть истинную природу занятий этого необычайного класса мыслителей.

Почти всеобщим стало мнение, что алхимия была лженаукой, с помощью которой якобы можно было получать золото и серебро путем превращения неблагородных металлов в эти драгоценные вещества, а средство для такого превращения называлось философским камнем. Считается, что те, кто занимался этим Искусством, были либо самозванцами, либо жертвами заблуждения, созданного самозванцами и шарлатанами. Это мнение проникло в научные труды и прочно укоренилось в биографических словарях и энциклопедиях, больших и малых; в целом, упоминания алхимии в исторических сочинениях, романах и повестях носят один и тот же характер и подразумевают, что адепты этого Искусства были либо обманщиками, либо обманутыми – либо совершали мошенничество, либо становились его жертвами.

Возможно, тщетно провозглашать иную точку зрения в надежде искоренить этот глубоко укоренившийся предрассудок; однако автор считает своим долгом изложить мнение, сложившееся у него после внимательного прочтения многих алхимических трудов. В последующих размышлениях он берет за основу тезис о том, что **Человек** был предметом алхимии, а целью Искусства было совершенствование, или, по крайней мере, улучшение Человека.

Спасение человека – его трансформация из зла в добро, или его переход из естественного состояния в состояние благодати – символически изображался в виде превращения металлов. С этой точки зрения труды алхимиков можно рассматривать как трактаты о духовном воспитании, хотя в наши дни они могут служить лишь иллюстрацией взглядов прошлого на этот важный предмет.

Все писания алхимиков символичны, и за словами «золото», «серебро», «свинец», «соль», «сера», «ртуть», «сурьма», «мышьяк», «аурипигмент», «Сол», «Луна», «вино», «кислота», «щелочь» и тысячами других бесконечно разнообразных слов и выражений можно обнаружить мнения различных авторов о великих вопросах Бога, природы и человека – и все они сходятся в одной центральной точке или развиваются из нее, и точка эта – Человек – это образ Божий.

Автор в полной мере осознает, какую свободу толкования допускают любые символические тексты, и что необузданное воображение способно вылепить из таких писаний все что угодно, а то и вовсе нечто из ничего. Ему не нужны поучения на этот счет; напротив, он чувствует себя вправе предостеречь читателей любых символических произведений: им следует быть предельно осторожными и осмотрительными, дабы не привносить от своего воображения и домыслов в толкование подобных трудов. Им следует твердо держаться незыблемого основания истины и природы, ибо лишь так можно уберечься от неверного понимания и опасности унестись прочь от реальности в мир грез и вымысла. Но при должной осмотрительности, основанной на здравой теории и знании природы, становится чрезвычайно интересно и, по

мнению автора, поучительно толковать ушедшие формы мысли, даже заключенные в алхимических фолиантах, в которых вполне возможно отыскать немало бесценных сокровищ, пусть даже философский камень и не будет найден.

Было бы бесполезным трудом защищать здесь символическое письмо, ибо нет ничего несомненнее того, что гении всех времен, словно по велению самой природы, прибегали к нему. То, что Священное Писание полно символизма, должен признать всякий, кто не склонен читать историю Робинзона Крузо и «Путешествия Гулливера» как документальную прозу; автор, разумеется, не проводит сравнения между этими произведениями и священными текстами. Он лишь имеет в виду, ссылаясь на Откровение, на историю мужа из земли Уц, на прекрасные притчи Нового Завета и т.д., чтобы показать, что учение через подобия, притчи, басни, аллегории, или, одним словом, через символизм, старо как само письмо.

И хотя эта форма учения, по-видимому, естественным образом использовалась гениями с древнейших времен, ее сохранение, кажется, обязано тому отклику в человеческой душе, к которому и обращен всякий символизм. Очевидно, что если символическое произведение не находит отзвука в человеческом сердце, оно должно погибнуть; и по той же причине, если такие труды сохранялись на протяжении многих веков, это дает справедливое основание предполагать, что их авторы натолкнулись на жилу непреходящей истины.

Этот род письма также и самый безобидный в мире, ибо его буквальный смысл зачастую лишен всякого смысла и потому безвреден, а его тайный смысл, вложенный автором, должен быть столь же безвреден; ведь если вложенный смысл не существует в природе, то ему нельзя найти соответствия в реальности, и ничего долговечного из этого не выйдет; если же он с легкостью находит отклик, то символизм должен быть истинным, а всякая истина ценна.

В случае алхимиков, которые сулили несметные богатства, общепризнанно, что множество людей было введено в заблуждение одним лишь буквальным прочтением их трудов, или, вернее, собственной всепоглощающей жаждой богатства. О таких людях алхимики говорили, что у них «золотая лихорадка, помрачившая их рассудок». Люди, целиком поглощенные мирскими сокровищами, были скорее жертвами собственных страстей, нежели обманутыми писаниями алхимиков, тем более что их труды полны предостережений против именно такого неверного понимания. Богатства, которые они обещали, были «богатством премудрости и ведения Божия» (Рим. 11:33) и «богатством благодати Его» (Еф. 2:7).

Алхимики были реформаторами своего времени, вынужденными, конечно, действовать втайне, но тем не менее оказывавшими влияние на общество. Они жили по большей части в эпоху, когда открытое выражение их мнений привело бы их к столкновению с суевериями того времени и, таким образом, обрекло бы на костер, – где, действительно, многие из них и погибли, не будучи достаточно осторожными в своих выражениях.

Они были людьми религиозными в то время, когда дух религии был погребен под формами и церемониями, и когда священство вооружилось светской властью, чтобы подавить всякое инакомыслие и всякую свободу – интеллектуальную, гражданскую, нравственную и религиозную.

Именно в этот глубочайший мрак, казалось, пролился свет с небес, о котором для посвященных повествовалось в книгах как об Эликсире Жизни, Воде Жизни, Универсальном Лекарстве и Философском Камне.

Тома, в которых была запечатлена эта мысль эпохи, были написаны в символической форме, чтобы скрыть предмет от толпы, неспособной извлечь из него пользу, и чтобы оградить авторов от преследований. Ныне они в значительной степени забыты, и, поскольку повод к их созданию миновал, их никогда не возродят и не станут изучать ради них самих; но они существуют для нас и для будущих времен как удивительные свидетельства, в которых можно найти обильные доказательства того, что «в то время были на земле исполины», хотя они и не

были заметны в миру, живя в уединении и внимая «веянию тихого ветра», в чем и заключался главный их, столь нашумевший, секрет.

При чтении их трудов, со знанием исторического положения авторов, живо вспоминается вопрос сэра Томаса Брауна. Кто знает, говорит он, не были ли забыты люди лучшие, чем те, что занесены в книгу времен, но которые, тем не менее, могут быть записаны в книге Божией?

Я изучил множество алхимических трудов, в том возрасте и при тех обстоятельствах, когда воображение, если оно когда-либо и обманывало меня, уже «сбросило свое оперение», и я чувствую себя вполне способным, как и, несомненно, готовым, видеть вещи такими, какие они есть. Поэтому, после долгих изысканий и размышлений, я утверждаю, что труды **подлинных** алхимиков, за исключением сочинений невежественных подражателей и злонамеренных самозванцев, по своей сути религиозны, и что лучшее внешнее подспорье для их толкования можно найти в изучении Священного Писания, и главным образом Нового Завета, – при этом ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не следует упускать из виду тот «свет, что был до света».

Несомненно, существовало множество самозванцев, игравших на доверчивости и алчности публики, но подлинные алхимики были людьми религиозными, которые проводили свое время в достойных занятиях, зарабатывая честным трудом на жизнь, и в религиозных размышлениях, изучая, как осуществить в себе союз божественной и человеческой природы, выраженный в человеке через осознанное смирение пред волей Божьей; и они, на свой манер, продумали и опубликовали метод достижения этого состояния или вступления в него как в единственное успокоение для души.

Следующее небольшое стихотворение превосходно обрисовывает жизнь, к которой стремились достичь адепты:—

«Есть остров, говорят, где всех даров полно:
плоды, деревья, зелень молодая —
творенье высшее самой природы;
там люди в вечности живут,
вкушая все восторги и утехи.
Там не бывало и не будет никогда
ни стужи зимней, ни жары палящей,
сезон все тот же – вечная весна,
где все, и даже те, кого судьба терзала,
находят мир. Земля сама, охотно,
дары свои им отдает; слова «твое» и «мне»
средь них не знают; здесь общее все, свободно
от боли и от ревности слепой. Здесь правит разум,
не фантазия. И каждый знает,
чего просить и что повелевать.
И так у каждого есть то, что просит он;
и что велят, исполнено бывает.
Тот остров назван Островом Счастливых.
И, говорят, им правит Королева,
красноречива и мудра, и вместе с тем
так хороша, что лишь одним лучом
своей великой красоты всю землю
вокруг себя сияньем озаряет.
Когда она увидит, что пришли
(а их немало, любопытных столь,
что страха пред очами не имеют)

те, кто взыскует милости ее и жаждет
того блаженства, что она всем обещает
в своем престольном граде, – им велит
она собраться; и тотчас,
прежде чем дать согласие оставить,
их всех на время в сон погружает.
Когда же сна они вкусят, насколько нужно,
она их будит и к себе зовет,
предстать пред нею. Не помогут им
ни оправданья, ни опаска, ни елей речей,
ни крик настойчивый. У каждого на лбу
начертано, что он во сне увидел.
Те, чьи мечты были о псах и птицах,
тотчас изгнаны; по ее царскому веленью
их уводят, чтобы жили впредь они
с подобными зверями. Тот, кто грезил
о стенах павших, о войне и смуте,
о славе бранной, о великих подвигах,
подобным образом изгнан от ее двора.
А тот, чье чело бледно, мертво, иссохло,
являя лишь заботу о наживе, —
и ему она откажет быть ее царем и господином.
Короче, никого из сновидцев
она в своем не оставляет царстве,
кроме того, кто, пробудясь, несет в себе
приметы снов о красоте ее чудесной.
Такое в ней блаженство – быть и казаться
прекрасной, что такой мечтатель ей всего желанней.
Все это басня, говорят; но тот, кто первым
Сложил и рассказал ее, в той басне
Истину сокрыл.»*

Эрио де Бордери (XVI век), в переводе Кэри.

«У Философов, – говорит Фламмель, – есть сад, где солнце и утром, и вечером оставляет сладчайшую росу, и, не переставая орошаем ею; земля его родит деревья и плоды, пересаживаемые туда и получающие питание с благодатных лугов. И так происходит ежедневно; и там они укрепляются и оживляются, никогда не увядая; и за год они получают больше силы, чем за тысячу лет там, где их касается холод».

Пусть же идея об этом острове или саде воссияет в душе как достижимая цель, и опыт постижения этой идеи объяснит многое в литературе минувших эпох; особенно такие поэмы, как «Роман о Розе» в переводе Чосера. Это может дать ключ к объяснению тех «Любовных повестей», злоупотребление стилем которых и побудило к ответу Сервантеса; и в самом деле, обширный пласт поэм, а также повестей – исключая низкопробные подражания, фальшивую монету, известную как «Любовная литература Средневековья», – найдет свое толкование в этой идее, включая сонеты и «Триумфы» Петрарки, и даже саму «Божественную комедию».

Если страстное желание такой жизни было безумием и считается несовместимым с практическими требованиями к человеку, живущему под так называемым проклятием труда, то это было, по крайней мере, невинное безумие, которым мир никогда не был перегружен; а те немногие, кто нашел или думал, что нашел, свой покой в том Эдеме, могут быть прощены теми, кто гордится тем, что они называют более просвещенным веком. Даже сами поиски несли в

себе очарование, которое скрашивало самую суровую внешнюю судьбу, как, несомненно, они поддерживали многих, страдавших в пламени костров Инквизиции.

Но, как я уже говорил в другом месте, Жизнь подобна Искусству, которое, если вообще его искать, следует искать ради него самого, а не ради наград. Доступ в сады Гесперид дарован лишь тем, чьи «сны» посвящены исключительно «красоте» правящей царицы; ибо – и читатель может задуматься над этим принципом – успех содержится в самом сне и развивается из него, точно так же, как всякое желание содержит свою собственную сущность, которая проявляет себя, будь то добро или зло; но ее качество оценивается не по тому, что она совершает вовне, а по тому, что она оставляет после себя, то есть, говоря языком алхимии, по той *соли*, что она оставляет в душе, где берет свое начало.

Считаю нужным добавить, что мой первоначальный замысел при подготовке этих «Размышлений» состоял лишь в том, чтобы выразить мнение и подкрепить его несколькими цитатами из трудов по алхимии, и я полагал, что для этой цели будет достаточно небольшой брошюры. Я неожиданно превысил объем брошюры, и считаю необходимым выйти в печать в виде книги, хотя и не стремился «написать книгу». Но, хотя мое выступление должно быть более формальным, чем я предполагал, я хочу сказать, что в этом томе не следует искать ничего оригинального, исходящего от меня самого. Какой бы интерес ни представляла эта работа, он будет обусловлен тем классом людей, о котором я писал, теми, кто снабдил меня материалами, и особенно выдержками из их собственных сочинений, которые я был вынужден обильно использовать в поддержку простого мнения об их трудах и изысканиях. Это мнение, я абсолютно уверен, несет в себе некоторую новизну для нынешнего поколения и, если оно обосновано, должно представлять определенный интерес; хотя оно может понравиться в основном умозрительным умам, которые находят усладу в изысканиях, мало ценимых в наш «практический век». Но ни паровая энергия, ни телеграф, со всеми их общепризнанными чудесами, самими являющимися продуктом человеческого разума, никогда не смогут уничтожить в человеке стремление проникать в тайны (arcana) его собственной возвышенной и почти безграничной природы, в «сердце» которой, как мы читаем в Священном Писании, Бог «вложил мир».

Э. А. Х.

Сент-Луис, Миссури, январь 1857 г.

Глава 1. Критика существующих взглядов и истинная природа алхимии

Около двух лет назад я напечатал небольшую брошюру на тему алхимии, желая изложить идею, которая глубоко меня захватила, а именно, что Философский Камень был всего лишь символом, и что алхимики искали не золото, а мудрость, – при этом я тщательно и добросовестно оставил последнее слово без определения. Брошюра предназначалась для моих друзей и не была опубликована или выставлена на продажу, хотя я был не против ее распространения среди тех любознательных умов, которые могли бы заинтересоваться изложенным мной предположением. Она была замечена в «Вестминстерском обозрении» за октябрь 1856 года, и высказанное там мнение, противоположное моему взгляду, побудило меня укрепить свои суждения дополнительными доводами и цитатами из алхимических трудов.

Когда я печатал брошюру, я прочел лишь немного, около полудюжины, трудов по алхимии, и мои мнения были по необходимости отрицательного свойства. Я не брался тогда, да и не берусь сейчас, утверждать с точностью, чего именно искали алхимики. Однако я был уверен, что они не гнались за золотом или мирскими почестями; и я до сих пор придерживаюсь этого мнения. Я полагал, что их цель была религиозной, в чем я также полностью убедился после дальнейшего изучения алхимических трудов, многие из которых я приобрел после выхода моей брошюры.

Теперь я чувствую себя несколько лучше подготовленным, чтобы выразить мнение об их истинной цели, хотя хочу раз и навсегда заявить, что этот предмет все еще остается для меня объектом исследования. Тем не менее я постараюсь изложить то, что, по моему предположению, они действительно искали, или, по крайней мере, начало работы; однако я не желаю, чтобы меня считали выступающим в защиту того, что я считаю философией этих незаурядных писателей.

Но сперва я должен сказать несколько слов о статье в «Обозрении». В ее заглавии указаны три работы, если мою брошюру можно так назвать. Первая – это работа французского автора Луи Фигье (1854), озаглавленная «Алхимия и алхимики, или Исторический и критический очерк герметической философии».

Второй – труд немца, доктора Германа Коппа (1843-44), озаглавленный «История химии».

Третья – моя брошюра, в которой я высказываю мнение, что Философский Камень – это всего лишь символ, означающий нечто, что нельзя было выразить открыто, не рискуя подвергнуться аутодафе.

Название немецкой работы показывает, что автор, должно быть, рассматривал тему алхимии лишь в ее связи с химией; возможно, как ее предтечу, каковой она в действительности и была. Он рассматривал алхимию с современной точки зрения химии и, вероятно, изучал алхимические труды лишь с целью изложить свое мнение о связи алхимии с современной наукой химией. Следовательно, при работе над таким трудом не приходится ожидать, что секрет алхимиков, если он у них был, станет очевиден, и все, что можно ожидать от доктора Коппа в данном случае, должно быть второстепенным и подчиненным, коль скоро речь идет об алхимии. И все же я покажу, что даже доктор Копп, хотя и писал он преимущественно о химии, а не об алхимии, имел некое мнение, граничащее с истиной в отношении истинной цели последней, хотя и не счел нужным подробно его излагать, поскольку его основной предмет, химия, того не требовал.

Перейдем теперь к М. Фигье, и следует отметить, что рецензент весьма решительно выражает мнение, что французский автор, хотя и расширяет заглавие немецкого автора, тем не

менее, почерпнул все свои материалы из трудов основательного немца, сравнивая его с *паразитом*, живущим за счет жизненной силы последнего.

При таком положении дел, поскольку мы не вправе ожидать от немца трактата по алхимии, тем менее мы можем ожидать подобного трактата во французской работе.

Но это еще не все; автор статьи в «Обозрении» весьма откровенно и честно признает, что при подготовке своей статьи он опирался на француза и немца; так что то, что в оригинале не было даже вином, в статье «Вестминстерского обозрения» разбавлено вдвойне.

Короче говоря, автор статьи ничего не знает об алхимиках из изучения их трудов и заимствует свои мнения у других: у француза, который черпал материалы у немца, а немец рассматривал алхимию лишь попутно, в рамках своего предмета – *истории химии*.

Больше ничего не нужно говорить, чтобы показать, что ни статья в «Обозрении», ни французская работа не могут предоставить какой-либо удовлетворительной информации по предмету алхимии.

Обращаясь теперь более предметно к работе М. Фигье, которая передо мной, я замечаю, что все его цитаты из алхимических трудов, иллюстрирующие предполагаемую экстравагантность и абсурдность их авторов, прямо приписываются доктору Коппу в следующих примечательных словах: «*Maintenant, ajoute M. Kopp, à qui nous empruntons les citations precedents, si l'on entend par monde le microcosm que l'homme représente, l'interpretation sera facile.*»*

**«Теперь, – добавляет г-н Копп, у которого мы заимствуем предыдущие цитаты, – если под миром понимать микрокосм, который представляет собой человек, толкование будет легким».*

Как мог французский автор упустить из виду ясное значение этого примечательного отрывка, в котором доктор Копп прямо говорит, что, рассматривая мир как микрокосм, который представляет собой человек, *было бы легко истолковать* писания алхимиков, или, по крайней мере, цитаты, приведенные им самим для демонстрации их мнений или образа действий? Но французский автор не обращает внимания на это признание немца, столь делающее честь его проницательности, а сразу же переходит к характеристике алхимиков как виновных в «прискорбных заблуждениях, плоде бредового воображения, расстройств, которые превосходят всякую возможность анализа».

Английский рецензент также упускает из виду многозначительный намек немца и, бросаясь в объятия француза, цитирует из третьих рук ряд отрывков, вырванных из надлежащего контекста, с целью выставить на посмешище абсурдность искателей философского камня, будучи абсолютно слеп к их истинной цели.

Оставив, таким образом, французского автора и рецензента питаться фрагментами, которые они избрали для рассмотрения, я воспользуюсь цитатой доктора Коппа и постараюсь подтвердить точность его намека и показать, что алхимики во всех своих писаниях имели в виду **Человека**, рассматривая его как микрокосм, или миниатюру великого мира; или, как они любят цитировать, как Образ Божий, на языке Моисея.

Мое предположение заключается в том, что предметом алхимии был **Человек**; а целью – совершенствование Человека, которое, как полагали, сосредоточено в определенном единстве с Божественной природой.

Все алхимики, насколько я изучил их труды, могли бы поместить во главу угла своих работ ряд самых поучительных отрывков из Писания, как указывающих на их учения и цели; среди них следующие, которые я приведу полностью, чтобы избавить от труда обращения к источникам, и скопирую их с некоторым общим учетом порядка «Великого Делания», как алхимики называют свое Искусство.

Глава 2. Духовные основы алхимии

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

«Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия».

«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа».

«И не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть».

«Я и Отец – одно».

«…да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино… Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино».

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

«И таковыми многими притчами проповедовал им слово, сколько они могли слышать. А без притчи не говорил им [народу]…»

«…а ученикам наедине изъяснял все».

«Начало мудрости – страх Господень».

«Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, – потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота. Она дороже драгоценных камней; и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею. Долгоденствие – в правой руке ее, а в левой у нее – богатство и слава».

«Пути ее – пути приятные, и все стези ее – мирные. Она – древо жизни для тех, которые приобретают ее, – и блаженны, которые сохраняют ее».

«Господь премудростью основал землю, разумом утвердил небеса. …Сын мой! не упускай их из глаз твоих; храни здравую мудрость и рассудительность. И они будут жизнью для души твоей и украшением для шеи твоей».

«Приобретай мудрость, приобретай разум: не забывай этого и не уклоняйся от слов уст моих. Не оставляй ее, и она будет охранять тебя; люби ее, и она будет оберегать тебя».

«Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни».

«Слушай, мудрый, и умножай познания, и разумный найдет мудрые советы; чтобы разуметь притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их».

Все эти изречения совершенно созвучны устремлениям алхимика и точно соответствуют его цели.

Однако здесь необходимо без утайки объяснить один важный момент, имеющий решающее значение для правильного понимания истинного положения алхимиков, особенно в так называемые Темные века, когда не существовало ни политической, ни религиозной терпимости.

«Обращение к читателю» в английском издании Сандивогия начинается в таком духе:

«Знаний изобилие, но мало известно Истины. Большая часть наших знаний – не более чем воздушные замки или беспочвенные фантазии. Я знаю лишь два пути, предназначенные для обретения Мудрости, а именно: Книга Бога и Книга Природы; и те тоже, лишь когда их читают с разумом. Многие взирают на первую как на нечто низкое; на вторую – как на основание для атеизма, и потому пренебрегают обеими. По моему суждению, как исследование Писаний совершенно необходимо, так и без разума невозможно их понять. Вера без разума – лишь слепое повиновение. Если я не могу понять разумом, *как* нечто устроено, я все же

увижу, *что* оно так устроено, прежде чем поверю в это. Я обосную свою веру в Писание на Разуме; я усовершенствую свой Разум с помощью Философии. Как нам убедить противников в истинности Писаний, если не принципами Разума?»

«Когда Бог сотворил Человека по Своему образу, как это было? Не сделав ли его разумным созданием? Посему люди, отбрасывающие разум при чтении священных таинств, лишь *расчеловечивают* себя и еще глубже погружаются в лабиринт заблуждений. Оттого их Религия и вырождается в иррациональные понятия».

«Сказать же ныне, что чистая Философия есть истинное Богословие, покажется, пожалуй, парадоксом [в 1650 году]; однако если бы кто-нибудь это утверждал, он не был бы еретиком».

«Когда Иов долгое время оправдывал себя пред Богом – что, как я полагаю, было следствием его неведения о Боге и о себе самом, – Бог берется убедить его в его заблуждении посредством принципов Природы; и это, дабы привести его к познанию и того, и другого; как можно видеть в полной мере в книге Иова, глава xxxviii».

«Может ли кто-нибудь утверждать, что Гермес, Платон, Аристотель (хотя и чистые натуралисты) не были глубочайшими богословами? Разве не все признают, что первые две главы Бытия – истинное Богословие? Я осмелюсь утверждать, что они – глубочайшая и истиннейшая Философия. Да, они – основа и суть всего Богословия и Философии; и если их правильно понять, они научат тебя большему знанию о Боге и о *тебе самом*, чем все книги в мире вместе взятые».

Из таких отрывков, как приведенные выше, или им подобных, в изобилии встречающихся в трудах алхимиков, я не могу не заключить, что они искали Истину на основании свидетельств, извлеченных из природы вещей, и принимали ее только ради нее самой; и на их принятие не влияли ни предание, ни авторитет.

У алхимиков в христианских странах учения Христа принимались как истинные *в себе*, или в природе вещей, и *поэтому* считалось, что они были возвещены Христом, но они не рассматривались как истинные просто на том основании, что Христос их возвестил. Для них мудрость учения утверждала истинность христианства, а не чудеса. Алхимики требовали от приверженцев своего искусства проверять все учения тем, что они называют «возможностью Природы». Следовательно, критерием учения для них была не писаная запись; и, в соответствии с этим принципом, ни один алхимик не навязывает свои мнения, опираясь на авторитет, но всегда в стиле: «Сын мой, внемли моим словам»; но он добавляет: «*Проверь их*»; или, он мог бы сказать со святым Павлом – одним из самых ревностных, смелых и независимых реформаторов, которых когда-либо видел мир, – «Все испытывайте, хорошего держитесь».

Несмотря на этот высокий авторитет, тот, кто принимает истину только потому, что она может быть доказана или признана «хорошей», и пренебрегает простым авторитетом, обычно клеймится как неверующий.

Алхимики, следовательно, стоя на этой почве, были бы преследуемы, если бы публиковали свои мнения открыто; ибо они жили, по большей части, в период, когда те, кто был у власти, полагали, что принуждение и насилие могут быть законно использованы для того, чтобы заставить людей принять установленную общественную веру, а воображаемые враги этой веры, помимо того, что их выставляли на всеобщее порицание, часто сжигались на костре. Намеки на такое положение вещей часто встречаются в писаниях алхимиков, как, например, в «Открытом пути к замкнутому дворцу короля», где автор говорит:

«Я смею утверждать, что владею бóльшими богатствами, чем весь известный мир; но не могу ими воспользоваться из-за сетей негодяев». Истинное объяснение этого намека на богатства находится в Евангелии от Матфея xvi. 26, ибо Эйреней продолжает: «Я презираю, я гнушаюсь, я ненавижу это идолопоклонство золоту и серебру, ценой которого прославляются пышность и суета мира. О, мерзкое зло! о, тщетная ничтожность! Неужели вы думаете, что

я скрываю это из зависти? Нет, конечно; ибо я свидетельствую тебе, что скорблю до глубины души о том, что мы изгнаны, словно отверженные, от лица Господа по всей земле. Мы странствуем по многим народам, точно бродяги, и не смеем взять на себя заботу о семье, и не имеем никакого постоянного жилища. И хотя мы владеем всем, все же можем пользоваться лишь немногим. В чем же тогда наше счастье, кроме как в размышлении и созерцании, в которых мы находим великое удовлетворение ума? Многие верят (те, кто чужд Искусству), что, если бы они им владели, они бы делали то-то и то-то; так же и мы прежде верили, но, став более осторожными из-за пережитой опасности, мы избрали более тайный путь. Ибо тот, кто однажды избежал неминуемой гибели, станет (поверь мне) мудрее на будущее». И все же он восклицает: «Сердце мое шепчет о неслыханном; дух мой бьется в груди моей за благо всего Израиля. … О, если бы каждый даровитый человек на всей земле постиг эту науку! … Тогда добродетель, нагая, как она есть, была бы в великом почете, просто за свою любезную природу». Но он добавляет: «Наше золото не покупается за деньги, даже если бы ты предложил корону или царство за него; ибо это дар Божий».

Поскольку нетерпимость Средних веков – это общеизвестный факт, я не намерен на нем останавливаться и упомянул о нем лишь для того, чтобы указать на одну из причин эзотерического стиля письма алхимиков. Они общались друг с другом с помощью символов, писали о соли, сере, ртути и т. д., и о превращении металлов, чем спасали свои головы, хотя и ввергали сотни и тысячи «профанов» в тщетные и бесполезные попытки найти осязаемое вещество для превращения неблагородных металлов в золото. «Кто виноват, – говорит один из них, – Искусство или те, кто ищет его на ложных принципах?»

Другая причина их скрытного способа письма была более высокого порядка, и заключалась в следующем: поскольку большинство людей воспитывалось в религиозных догматах по традиции, не понимая истинных оснований навязанных им доктрин, считалось небезопасным подрывать устои традиции, предлагая новое правило поведения, нелегко постижимое. Простыми словами, считалось, что для общества лучше, чтобы люди исполняли свой долг из надежды и страха, чем подвергались вреду от неверно понятого учения о свободе; ибо человек становится свободным не отрицая ложь, а живя в истине. «Истина сделает вас свободными» – такова была доктрина алхимии, как и Евангелия.

Для алхимиков древнее изречение «ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ», начертанное на храме Аполлона (приписываемое одними Пифагору, другими – египтянам), как предписание, было основанием и сутью всей мудрости. В этом знании, как они верили, находилось и знание о Боге; не в том смысле, что Бог находится в человеке, кроме как Он находится во всем, но знание о Боге лежит в природе человека, а не в природе какой-либо другой вещи во вселенной. Тот, кто ищет его где-либо еще, лишь удаляется от цели своих поисков и будет разочарован. Таково, я полагаю, мнение алхимиков.

Я не знаю никого среди этого класса писателей, кто изложил бы основание их трудов более отчетливо, чем Ван Гельмонт, где он говорит:

«Поскольку Творец всех существ, прежде основания мира и прежде, чем они были явлены, имел и содержал их в Своем Уме и Мудрости, – как малый мир [человека, микрокосм], так и великий, согласно свидетельству Писания [здесь он цитирует отрывки из Писания], – не должны ли тогда мир великий [макрокосм] и малый иметь своего Творца, как свое начало и исток, внутри себя, так что ни Творец, ни Его творение не отделены друг от друга? … Поскольку, таким образом, нельзя сказать, что совершенство достигнуто, прежде чем конец достигнет своего начала, и начало соединится с концом для нового рождения и произведения, возникает вопрос, не должны ли и великий, и малый миры, чтобы достичь совершенства, во всех своих действиях стремиться к этому, а именно: чтобы они могли вернуться к своему началу, чтобы соединиться с ним».

И снова: «Поскольку, таким образом, все творения Божьи, для своего улучшения и прославления, пребывают в бесконечном круговороте, чтобы достичь совершенства, и все же должны быть познаны и постигнуты; и поскольку вещь не может быть познана иначе, как через ее цель и действие, или проявление, как дерево по его плодам; и поскольку малый мир есть цель и вместилище всех творений и дел Божьих, и, следовательно, проявление великого мира, в котором заключены все прочие творения; то возникает вопрос: может ли существовать какой-либо иной путь, которым человек может достичь истинного знания о великом мире, со всеми его частями и в них, как не в себе самом и через себя самого; особенно поскольку в нем, как в цели и сокращенном изложении всего, проявилось Начало; – ибо Конец есть не что иное, как проявленное Начало, то есть, раскрытое в действии и явленное; так что Конец сокрыт в Начале, как Начало явлено в Конце? И не следует ли из этого, что оба мира имеют великое сродство и совершенное подобие, да, и *единство* один с другим; и что они должны быть сотворены друг с другом, и тем самым достичь своего высшего совершенства?»

Алхимические труды полны намеков на тайну, заключенную в природе человека; так, Вайденфельд восклицает: —

«Весьма великие и непостижимые дары даровал нам Всевышний Бог; в признании которых наш долг и днем и ночью любить, поклоняться и чтить его всем сердцем нашим, и повсюду превозносить имя его всей нашей силой; ибо помимо того, что он сотворил нас из ничего и искупил нас своей драгоценнейшей кровью, он также сделал нас причастниками всех благословений, содержащихся в великом мире; по какой причине Человек и назван *Микрокосмом*; ибо божественным вдохновением нам открыто, что добродетели всего сущего, животного, растительного и минерального, находятся в *Человеке*.»

Глава 3. Символизм в алхимии: Человек как Предмет

Английский переводчик труда, написанного, как говорят, на арабском языке Алипили, под названием «Centrum Naturæ Concentratum, или Возрожденная Соль Природы», в своем «Обращении к читателю» говорит: —

«Высшая мудрость состоит в том, чтобы Человек познал **Самого Себя**, ибо в нем Бог поместил свое вечное Слово, которым все было сотворено и поддерживается, чтобы быть его Светом и Жизнью, через которые он способен познать все как во времени, так и в вечности… Посему пусть высокие исследователи и искатели глубоких тайн природы сперва научатся познавать то, что они имеют в себе, прежде чем искать во внешних вещах без них; и божественной силой внутри себя пусть они сперва исцелят себя и **ПРЕВРАТЯТ** свои собственные души; тогда они смогут с успехом продолжать и искать с добрым результатом тайны и чудеса Божьи во всех вещах природных».

Это лишь отголосок того, что можно найти в тексте самого тома в этих словах: —

«Тот, кто обладает знанием о Микрокосме, недолго будет пребывать в неведении о знании Макрокосма. Это то, о чем так часто говорили и громко провозглашали египетские трудолюбивые исследователи Природы, – что каждый должен **ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ**. Эту речь их тупые ученики [имеются в виду греки] восприняли в моральном смысле и по неведению поместили на своих Храмах. Но я увещеваю тебя, кто бы ты ни был, желающий погрузиться в сокровеннейшие части Природы, если то, что ты ищешь, ты не найдешь внутри себя, ты никогда не найдешь этого и вне себя. Если ты не знаешь превосходства собственного дома, зачем ты ищешь и исследуешь превосходство других вещей? Вселенский Шар мира не содержит таких великих тайн и совершенств, как малый **Человек**, сотворенный Богом по Своему образу. И тот, кто желает первенства среди Учеников Природы, нигде не найдет большего или лучшего поля для изучения, чем он **Сам**. Посему последую я здесь примеру *Египтян*, и от всего сердца моего, и на основании верного опыта, мною доказанного, буду говорить ближнему моему словами Египтян, и громким голосом провозглашу ныне: **О Человек, ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ; в тебе сокрыто Сокровище Сокровищ**».

Затем автор переходит к традиционному мистическому языку о центральной соли, тверди, аструме, духовной воде, водном духе, воде жизни и т.д., и т.п., что было бы здесь неуместно, так как рассматриваемый вопрос требует от меня лишь показать, что **Человек** является **Предметом** Алхимии. Другие моменты возникнут в свое время.

Сандивогий, один из наиболее общепризнанных адептов, говорит следующим образом о тайнах, заключенных в природе Человека: —

«Всевышний Творец пожелал явить все природные вещи Человеку, почему и показал нам, что сами небесные вещи были сотворены естественным образом, дабы Его абсолютная и непостижимая Сила и Мудрость могли быть тем свободнее признаны; все это Философы [имея в виду Алхимиков], в Свете Природы, как в Зеркале, ясно видят. По этой причине они высоко ценили это Искусство [Алхимию], а именно, не столько из корысти, ради золота или серебра, сколько ради знания не только всех природных вещей, но и силы Творца; но они желали говорить об этом лишь скупо и образно, дабы Божественные Тайны, которыми озарена Природа, не были открыты недостойным; что ты, [читатель,] *если знаешь, как ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ*, и не имеешь шеи упрямой, легко можешь постичь, сотворенный по подобию великого мира, да, по Образу Божьему… Ты же, желающий достичь этого Искусства, прежде всего, возложи все свое упование на Бога, твоего Творца, и призывай его своими молитвами, и тогда будь

уверен, что он не оставит тебя; ибо если Бог узнает, что Сердце твое искренне, и что все твое упование возложено на него, он тем или иным способом укажет тебе путь и поможет в нем, и ты достигнешь своего желания. Страх Господень – начало премудрости. Молись, но и трудись: Бог воистину дает разумение, но ты должен знать, как и когда им пользоваться».

Корнелий Агриппа, алхимик и, как и многие другие великие люди, непонятый в свое время, пишет: —

«Есть одна вещь, сотворенная Богом [он не называет ее, но имеет в виду человека], предмет всего удивительного на земле и на небе; она поистине животная, растительная и минеральная; встречается повсюду, известна [должным образом] немногим, никем не выражена своим истинным именем, но сокрыта в числах, фигурах и загадках, без которых ни алхимия, ни натуральная магия не могут достичь своего совершенного конца».

Томас Нортон, очень старый и авторитетный писатель по алхимии (пятнадцатого века), написал свой «Ординал» в стихах и открывает всем, кроме совершенно слепых, истинный предмет Искусства в этих словах: —

«Благородные авторы, мужи славной молвы,
Наш Камень *Микрокосмом* по имени звали:
Ибо состав его, без сомнения, таков,
Как у мира сего, где мы ходим вокруг:
Из Жара, из Холода, из Влаги, из Сухости,
Из Твердого, Мягкого, Легкого, Тяжести,
Из Грубого, Гладкого и вещей устойчивых,
Смешанных с вещами летучими и подвижными;
Из всех видов противоположностей, приведенных к одному согласию,
Связанных учением Бога, Господом нашим благословенным.
Отчего из Металлов происходит превращение,
Не только в цвете [внешности], но и в транссубстанциации,
В чем вам нужно знать одну вещь,
Как все добродетели элементов преобразующих,
Над преображенным должны иметь полное владычество,
Прежде чем вещество будет в превращении;
И все части преображенные должны быть запечатлены,
В элементах преобразующих, постепенно.
Так что третья вещь, из них всех составленная,
Такого свойства всегда да будет;
Что, имея его поистине, не может быть иным,
Как только сущностью того одного и добродетелью того другого».

Один друг замечает у меня за спиной, что это «поэзия в тисках», что совершенно верно; но она цитируется не за свою красоту, а как свидетельство факта.

Столь же ясным образом Джордж Рипли объявляет предмет Камня в следующих строках: —

«Ибо как из одной массы было сотворено всё,
Так и в нашей практике должно быть,
Все наши Тайны из одного Образа должны проистекать:
В книгах Философов, кто желает, может узреть,
Наш Камень зовется *малым миром*, одним и тремя».
То есть, Камень – это Человек, единой природы, – состоящий из тела, души и духа.

В «Диалоге Арислая», опубликованном в «Энхиридионе алхимиков» в 1672 году, человек указывается как Камень на этом языке: —

«Ныне в этой беседе я явлю тебе природное состояние Камня Философов, облаченного в тройное одеяние, именно этого Камня Богатства и Милосердия, Камня Облегчения от Томления; – в котором сокрыта всякая тайна; будучи Божественной Тайной и Даром Божьим, возвышеннее которого нет ничего в этом мире».

«Посему прилежно внимай тому, что я говорю, а именно, что он облачен в *Тройное одеяние*, то есть, в *Тело, Душу и Дух*».

Любой, имеющий хоть малейшее знакомство с этими трудами, узнал бы предмет автора по этому языку, и понял бы, что это **Человек**.

В дальнейшем я приведу много других доказательств в подтверждение этого положения, а именно, что все книги по алхимии трактуют о **Человеке**; и они не трактуют ни о чем другом во вселенной, кроме как в его отношении к **Человеку**; но никогда, говоря о тайнах Искусства, не называют его собственным именем.

Человек является центральным объектом во всех алхимических книгах; однако, не человек как индивид, а как **Природа**, содержащая или проявляющая великий мир, или как он есть **Образ Божий**.

Всякий, кто желает что-либо понять в алхимии, должен нести эту идею с собой при чтении трудов на эту тему; и тогда, как бы он ни расходился с принципами или притязаниями Искусства, он сможет составить некоторое представление об использовании, которое этот класс писателей делал из символических слов, таких как соль, сера, ртуть, сол, луна и т.д.; и под этими или другими подобными именами может быть обнаружено, если кто-то считает это стоящим, то, что эти писатели думали о Боге, Природе, и Человеке, или о Человеке, Природе и Боге, – одно и три, три и одно.

Хотя писатели представляют Человека под бесконечным разнообразием имен, как истинного Протея, они чаще всего говорят о нем как о **Металле** или **Минерале**; отсюда один говорит: —

«Минералы имеют свои корни в воздухе, а головы и верхушки – в земле. Наша Ртуть воздушна; ищи ее, следовательно, в воздухе и на земле».

В этом отрывке **Минералы** и **наша Ртуть** относятся к одному и тому же, и это предмет Алхимии, Камень; и мы можем вспомнить, что Платон определял или описывал Человека как растение, имеющее корень в воздухе, а верхушки – в земле. Человек действительно ходит по поверхности земли, как будто ничто не мешает его взору к небу; но он тем не менее ходит на дне атмосферы, и между этими двумя, его *крышей* в воздухе, он должен творить свое спасение.

Другой писатель говорит: «Минералы, сделанные из *живой ртути* и *живой серы* [Души и Тела], должны быть избраны; работайте с ними сладостно, не с поспешностью и торопливостью».

И снова: «Те, кто знает ртуть и серу Философов, знают, что они сделаны из чистого золота и тончайшей луны и серебра, *живых* [Душа, Тело и Дух, рассматриваемые по существу], которые ежедневно видны и наблюдаемы, из которых извлекается наша *живая ртуть*».

«Работа, – говорит один, – пока она еще груба, называется нашей водой постоянной, нашим свинцом, нашим Сатурном, нашим Юпитером; когда она лучше приготовлена, тогда это серебро, затем магнезия и белая сера; когда она красна, она называется аурипигментом, кораллом, золотом; ферментом, или камнем, светящейся водой небесного цвета».

«Наш Камень, – говорит другой, – в начале называется водой; когда Тело растворяется, – воздухом или ветром; когда он стремится к затвердеванию, тогда он называется землей; а когда он совершенен и закреплен, он называется огнем».

И снова: «Хотя мудрецы и разнообразили свои имена и запутали свои речи, они все же всегда хотели, чтобы мы думали лишь об одной единственной вещи, одном расположении, одном пути. Мудрецы знают эту одну вещь; и то, что она одна, они часто доказывали».

Эта одна вещь – это, во-первых, Человек, как **Природа**; одна, по существу или субстанциально; но когда писатели ссылаются на человека феноменально, они говорят о нем под разными именами, указывающими на разные состояния, как он есть до или после «очищения»; или они ссылаются на его Тело, его Душу или его Дух под различными именами. Иногда они говорят обо всем человеке как о ртути или под каким-либо другим именем, а затем, возможно, тем же словом обозначают нечто особенное, например, «наша ртуть», у которой, к тому же, есть множество других названий.

Под «нашей ртутью», «нашей серой» и т.д. они подразумевают ртуть философов, а не обычный минерал.

Я не защищаю этот способ письма, но я утверждаю, что весь предмет алхимии – это Человек. Однако каждый автор по большей части обозначает его словом по своему выбору; отсюда один пишет о *Сурьме*, другой о *Свинце*, третий о *Цинке*, еще один о *Мышьяке* и т.д., и т.п. Людей чаще всего обозначают металлами, но их часто называют и астрономическими именами, такими как *Юпитер, Сатурн, Марс* и т.д., причем лучшие люди по своей природе уподобляются золоту, а низшие – низшим металлам.

Хотя люди различаются по складу характера и темпераменту, одни ангельские, другие сатанинские, алхимики все же настаивают вместе со святым Павлом, что «все народы человеческие от одной крови»; то есть, одной природы, и именно та природа в человеке, по которой он един, является особой целью алхимии – пробудить ее к жизни и действию, посредством чего, если бы это стало возможным, повсеместно, человечество было бы объединено в братство.

Глава 4. Путь к Камню: Совесть как философская ртуть

Это и есть собственно «ртуть Философов», и именно об этом идет речь, когда М. Фигье, цитируя алхимиков, говорит: «*La seule difficulté, dans la préparation de la pierre philosophale, consiste donc à obtenir le mercure des philosophes*»*. Он продолжает, говоря о теории, но предполагая, что целью является вещество для превращения металлов, что, как только эта ртуть будет найдена, работа становится легкой – «работа для женщин и детей». Он добавляет, все еще цитируя алхимиков, что эта работа не является незначительным предприятием; что все алхимики признают ее работой, превосходящей человеческие силы, и что ее можно получить только по милости Божьей или через дружбу с адептом, которому она была открыта. Он говорит, что ее называют *одушевленной ртутью, двойной ртутью, дважды рожденной ртутью, зеленым львом, змеей, острой водой, уксусом, молоком девы* и т.д.; но добавляет, говоря уже от себя, что никто из алхимиков ее так и не обнаружил.

При всем должном уважении к М. Фигье, я надеюсь показать, что эта ртуть – не что иное, как совершенно чистая совесть, или совесть, очищенная под ощущением присутствия Бога; а «трудность» ее обнаружения заключается в трудности ее *возбуждения* или пробуждения в груди человека ради его совершенствования.

«Единственная трудность в приготовлении философского камня, таким образом, заключается в том, чтобы получить ртуть философов».

Я бы задал этот вопрос любому опытному человеку, а особенно учителю молодежи или наставнику тех, кто постарше: не заключается ли вся трудность, а следовательно, и все *Искусство* в совершенствовании человека, в том, чтобы утвердить в его груди постоянное, прочное чувство абсолютного права и неизменное намерение им руководствоваться? Это одна из самых трудных вещей в мире – взять человека в его, так сказать, естественном состоянии, в «естественном человеке» святого Павла, после того как он годами предавался всем своим страстям, стремясь к миру, почестям, удовольствиям, богатству, и заставить его осознать чисто абстрактные требования права и быть готовым отказаться от одной-единственной страсти в угоду ему. Несомненно, это и есть та великая задача учителей; но как только она выполнена, работа по совершенствованию становится легкой и вполне может быть названа «детской игрой».

Рассмотрим человека, всегда ищущего лишь то, что может удовлетворить какую-либо эгоистичную страсть, чуждого всем благородным порывам, возможно, не осознающего их существования, или рассматривающего их проявление в других лишь как доказательство слабоумия и немощи; как такого человека вывести из этого состояния к лучшему пониманию вещей, чтобы он почувствовал свою зависимость от других и оценил их требования к нему?

Возьмем человека, чья душа развращена всевозможными дурными страстями, пока он не станет болезненно чувствителен ко всему, что каким-либо образом мешает его личному комфорту; пусть он будет раздражительным, вспыльчивым и угрюмым, – как такого человека усовершенствовать?

Я мог бы говорить и о явных грехах, порождающих класс людей, немногие из которых находят свои временные пристанища в тюрьмах и исправительных домах или искупают свои преступления на виселице; как остановить таких людей на их пути и привести к чувству долга?

Несомненно, «великая трудность» во всех этих случаях заключается в том, чтобы привести в действие философскую *ртуть*; то есть, пробудить совесть, которая дремлет в них; но хотя она и погребена и бездействует, «она не мертва, а спит».

Возьмем другой, более многочисленный класс – тех, кто разрывается между противоположными страстями, такими как любовь к удовольствиям и любовь к деньгам, или любовь к

славе и любовь к покою. Какой покой могут иметь такие люди, или как им возможно наслаждаться спокойствием? Им нужна полная революция характера или склада ума. То же самое и с теми, кто, под смутным представлением о своей правоте, не имея для этого более веского основания, чем самодовольство, – кто думает, что весь мир неправ, кроме них самих, и недоволен и несчастлив из-за всего вокруг, что не соответствует их особым желаниям и пристрастиям. Такие люди часто смотрят злым оком на Провидение, которое, так или иначе, движется к своим общим целям, совершенно не обращая внимания на все несообразные индивидуальности. Как поступать с такими людьми? Сказать им прямо, что они заблуждаются, – значит лишь вызвать их враждебность и возбудить противодействие; но создайте в них философскую *ртуть* – зажгите их совесть – и средство под рукой; но сделать это – и есть «великая трудность». Кто в этом сомневается, кроме тех, кто сам нуждается в этой самой ртути?

В мире нет людей более подозрительных и чувствительных, чем те, кто заблуждается. Они подобны дикобразам; к ним нельзя приблизиться без опасности, и поистине алхимики называют эти различные типы людей такими именами, как *мышьяк, купорос, гадюки* и т.д., и все же во всех этих веществах, а также в *Сурьме, Свинце* и тысяче других, они ищут некую ртуть.

Ртуть, которая сама имеет столько же названий, сколько и веществ, в которых она находится; как, например, масло, уксус, мед, полынь и т.д.; и все же эта самая ртуть считается одной единственной неизменной вещью. Ее называют *негорючей серой*, потому что в ком совесть пробуждена должным образом, в том возгорается огонь, который сжигает и поглощает все, что противится его собственной природе.

Если кто-то в этом сомневается, пусть изучит природу совести и увидит, насколько она бескомпромиссна; что ее нельзя ни подкупить, ни обмануть; что она вездесуща и всегда присутствует при своем субъекте. О совести поистине можно сказать: куда пойдет человек, чтобы убежать от нее, или как убежит он от ее присутствия? если он взойдет на небо, она там; и если он устроит себе ложе в аду, она и там. Если она однажды пробудилась, ее никоим образом нельзя успокоить и утихомирить, кроме как безоговорочным и полным подчинением; но тогда, хотя она и преследовала свою жертву как мстительный огонь, в тот момент, когда она достигает своего законного верховенства, она раскрывает свои целительные свойства и становится успокаивающим бальзамом, верховным лекарством – лекарством алхимиков – единственным истинным Эскулапом «раненного духа».

Изучение совести может дать нам некоторый ключ к древнему стоическому учению о том, что *Боль не есть Зло*; ибо, говоря, что боль не зло, не говорится, что боль не есть боль. Единственное зло в мире – это самоосуждение, или осуждение собственной совести. Боль как таковая не предполагает этого и по своей природе преходяща. Ее можно облегчить или устранить искусством врача; или, если она заканчивается смертью тела, это простое, естественное событие, не имеющее необходимой связи с совестью, и поэтому не является злом в принятом определении. Затем, что касается зла самоосуждения, то это настолько далеко от абсолютного зла, что повсеместно считается признаком некоторой истинной жизни в моральной системе, которой нужно лишь должное управление, чтобы оживить и укрепить ее субъект.

С этой точки зрения, худшее зло, то есть, худшее состояние в жизни, – это то, в котором поведение беспорядочно при спящей совести, когда пациент временно ничего не страдает, хотя его образ жизни может ежедневно «собирать гнев на день гнева».

В качестве защиты от этого состояния природа, кажется, предусмотрела склонность бояться воображаемых и даже невозможных зол, имеющих различные названия, о которых, как говорят, «неприлично упоминать в приличном обществе».

Следует помнить, что здоровое действие совести всегда предшествует обдумываемому поступку, и именно это устанавливает специфическое различие между сожалением и раскаянием и составляет истинное зло поступка; и оно не зависит ни от его болей, ни от его удоволь-

ствий, которые по отношению к совести являются лишь случайными, преходящими и временными.

Совесть – это предмет для самостоятельного изучения. Алхимики часто говорят о ней в «сыром» состоянии, как об обычной ртути (не той, которую они называют *нашей* ртутью), когда во многих людях она едва различима, и ее обладатель едва осознает, что у него есть такой спутник, который, тем не менее, является свидетелем всего содеянного. В этом состоянии ее обладатель рискует временно спутать ее с какой-либо преходящей страстью, такой как любовь к деньгам или к репутации; как, например, когда вопрос о праве решается под влиянием личных желаний или любви к одобрению.

Но это не истинная философская ртуть, которая есть чувство правильного действия под сознанием присутствия Бога, когда все обманы и двусмысленности становятся бесполезными, и душа вынуждена судить саму себя. Это – начало той внутренней реформации характера, которая выдержит все и будет разгораться все ярче под испытаниями. Осуществить эту реформацию *согласно природе, а не насилием*, – одна из великих целей алхимиков.

И все же это лишь вступление в то, что называется «великим деланием», о *Конце* которого я не намерен говорить подробно. Я говорю, что это – путь к философскому камню; но *Конец* еще не настал.

Какой один принцип, более чем любой другой, удерживает крайности и блуждания *Рода человеческого* в определенных границах, так что каждая эпоха в истории узнает себя в любой другой? Это не разум, как бы сильно ни утверждалось, что он является отличительным даром человека, но это *чувство права*, то есть совесть. Оно заставляет себя чувствовать тем сильнее через несправедливости всех родов, которыми отмечены страницы истории. Именно этот принцип, принцип или чувство права, хорошо или плохо понятое, лежит в основе всего международного права и теоретически определяет все национальные споры. Все вопросы между независимыми нациями теоретически решаются тем же принципом, который разрешает споры между любыми двумя самыми скромными индивидами. В национальных ссорах огромные результаты, конечно, зависят от простой силы; но моральное чувство мира от этого не преодолевается, и во всех случаях беспристрастный историк, в своем собственном чувстве права, апеллирует к этому же чувству в роде человеческом и выносит моральное суждение человечества обо всех национальных деяниях.

Все законы, также, в цивилизованных государствах, теоретически основаны на чувстве справедливости и нацелены на обеспечение права. Присяжные созываются для того, чтобы вершить правосудие; то есть, чтобы обнаруживать и утверждать право. Короче говоря, во всем обществе, в каждой его фазе и отделе, будь то в большом или малом масштабе, все, что *неправильно*, немедленно пробуждает чувство права с намерением его утвердить. Затем предпринимаются усилия в той или иной форме, чтобы исправить несправедливость, и разум – лишь скромный помощник, используемый для того, чтобы найти и применить средство. Насколько праведная цель достигается в стремлении ее достичь, может быть вопросом, достойным обсуждения Сократа.

Это чувство права – то, что алхимики называют нематериальным, нетленным и неугасимым **Огнем**, который, как говорит Понтан, «является веществом минеральным, равным, непрерывным, не паром или дымом, если только не слишком сильно спровоцирован; он причастен сере [как гласит жаргон, имея в виду небесный дух] и воспринимается не из материи; он разрушает все, растворяет, сгущает, коагулирует и кальцинирует, – он способен проникать, – и является кратким изложением всего без больших затрат». Он *превращает*, но «сам не превращается вместе с материей, ибо он не от материи».

Итак, когда совесть, в которой существует чувство права и справедливости, становится активной под идеей Бога, она наделяется сверхъестественной силой, и тогда, как я понимаю, она и есть философская ртуть алхимиков; она также и их *соль ртути*; она ничуть не меньше их

верховного *Териака*, о котором много можно прочесть в их книгах, хотя и совершенно иного рода, чем у одного справедливо прославленного романиста наших дней. Это также и *Соль Тартара*, о которой мы читаем в алхимических трудах; это также и *Дух Вина*, «сведенный к центру холодом», но не разрушенный им; напротив, он лишь становится более пронзительным и активным, хотя для снятия оболочки может потребоваться внешний *огонь*; ибо мы читаем в этих книгах об одном, двух, трех и четырех огнях. Это также и *Змеиная Соль*, описываемая с удивительными свойствами и, как говорят, имеющая масло чудесных качеств; – как мы можем прочесть в работе со следующим любопытным герметическим заглавием:

«*Новые Опыты над Гадюками; содержащие также точное описание всех частей Гадюки, места ее яда и различных его эффектов; вместе с изысканнейшими средствами, которые искусные могут извлечь из Гадюк для излечения от их укусов, а также и от других недугов*».

Эта работа (о человеке) была первоначально написана на французском, но опубликована на английском языке в 1670 году.

«Летучая Соль Гадюк, – говорит этот писатель, – должна рассматриваться как *Солнце*, как среди тех частей, что поднимаются при дистилляции, так и среди тех, что остаются в реторте; ибо нет среди тех, что перешли, ни одной, которая не заимствовала бы от нее всю добродетель, какую только может иметь; ни одной из тех, что остались, которая не нуждалась бы в ней или не была бы бесполезна без нее». Эти писатели часто говорят о человеке как о *реторте*, *алембике*, *кукурбите*, в которых происходит ферментация и дистиллируются мысли. Его иногда называют *печью* – имя, также применяемое к великой природе самой, великой печи. «Флегма, – продолжает автор, – которая поднимается первой, всегда уносит с собой некоторую часть ее, без которой она не произвела бы никакого эффекта. То, что называется Духом, есть не что иное, говоря по правде, как летучая соль, за которой при дистилляции последовало немного флегмы, растворяющей ее и придающей ей форму духа; что может быть показано *ректификацией*, при которой эта солевая летучая часть отделяется, поднимается и коагулируется в *белую* и кристаллическую форму, и оставляет на дне кукурбита влагу, которая изменила свою природу и есть не что иное, как флегма. Мы говорим по этому поводу то же самое о том, что многие авторы неправильно называют летучим духом человеческого черепа [?], оленьего рога и других частей животных, ибо они есть не что иное, как летучие соли, смешанные с флегмой, которую они впоследствии покидают, когда их ректифицируют. …Земная часть не имеет в себе ничего, что заслуживало бы рассмотрения, и ее справедливо можно назвать *Terra mortua*, мертвой землей, после того как она освобождена от своей фиксированной соли. [Некоторые писатели называли ее *Terra damnata*.] Так что все части, которые поднимаются при дистилляции, как и те, что не могут подняться, имеют малую силу или совершенно бесполезны без летучей соли. Посему, на хорошем основании мы приписываем ей главные добродетели, которые может дать Гадюка [?].»

Чтобы указать на медицинское действие этой соли, этот писатель говорит: «Сходство вещества, которое *Летучая Соль Гадюки* имеет с духовной частью нашего тела, соединенное с ее тонкой и пронзительной природой, является причиной того, что, приспосабливаясь к их состоянию и находя полную свободу для своего действия [путем удаления «излишеств», что будет объяснено далее], она производит все эффекты, на которые способна, [то есть, при данных условиях она делает все, что может,] и проникает без какого-либо сопротивления в самые сокровенные и отдаленные части тела. Она обладает этим peculiar свойством, что, хотя и действует как суверен и не находит сопротивления своему господству, она все же проявляет себя не как завоеватель или разрушитель, а скорее как **Восстановитель** тех мест и частей, где проходит; и хотя все ее пути необычайно быстры и стремительны, они так хорошо измерены и так

хорошо направлены, что ни одна часть тела не минует их, и ни один из ее шагов не бесполезен, а скорее очень благотворен для всех мест, где она проходит».

«Чтобы хорошо судить об эффектах, которые эта Летучая Соль [Гадюк?] может произвести в наших телах, мы должны знать ее способ действия, который заключается в том, чтобы открывать, измельчать, разжижать, пронзать и гнать к крайним частям тела и через поры кожи, – [я должен вставить замечание, что все это сказано в моральном, а не физическом смысле,] – все нечистоты и все странные [гетерогенные] тела, которые могут выйти этими путями. Кроме того, она является врагом всякого тления, очень дружелюбна и приятна нашей природе, которой она помогает и укрепляет, позволяя ей изгонять не только через поры кожи, но и осадой, и через все выделительные органы тела, избыточные жидкости, которые ее беспокоят; откуда и происходит, что она производит удивительные эффекты в тысяче случаев, излечивая большое количество болезней или, по крайней мере, принося большое облегчение в них, даже в тех, которые наиболее упорны и трудны для излечения; таких как апоплексия, летаргия, конвульсии, лихорадки и многие другие недуги, которые, как полагают, имеют свой источник в *мозгу*.»

Если бы этот писатель сказал, что очищенная совесть регулирует многие блуждания интеллекта, он бы открыто сказал то, что действительно имел в виду, и с чем никто не спорит.

Но мне еще многое предстоит сказать, даже рискуя быть утомительным, прежде чем я перейду к доказательствам того, что Человек является центральной фигурой в алхимии и герметической философии, и что совесть является отправной точкой в погоне за Философским Камнем.

Соображение, возможно, более важное, чем все остальные, заключается в том, что о совести нельзя сказать, будто она сама по себе заблуждается; другими словами, совесть не может грешить. Она судит каждого человека, одобряя добро и осуждая зло, но сама по себе она нетленна. Выражение «дурная совесть», как когда мы говорим, что человека мучает дурная совесть, говорится не о совести, а о человеке, которого осуждает *добрая* совесть.

У меня нет желания вступать в метафизическую дискуссию, но, чтобы объяснить мой взгляд на алхимию, мне необходимо сделать очевидным, если возможно, что в тех случаях, когда многие предполагают, что совесть заблуждается, ошибка заключается не в совести, а в суждении, применяемом для достижения целей. Таким образом, самые чудовищные и отвратительные вещи делались с чистейшей совестью, то есть с лучшими намерениями в мире. Это признание на первый взгляд может показаться равносильным полному отказу от только что принятого принципа; но это не так.

Совесть относится к *целям*, а не к *средствам*, за исключением тех случаев, когда последние рассматриваются сами по себе и считаются целями. Было ли жертвоприношение Карла Первого совершено хорошо или плохо, – это вопрос не для совести, а для суждения.

Суждения, которое используется для определения того, было ли это жертвоприношение необходимо для достижения определенной цели, причем только цель является объектом совести. Патриот любит свою страну и стремится ей служить, и это повсеместно считается добродетелью; но, стремясь к благу своей страны, он может ошибиться в средствах и ввергнуть свою страну в непоправимые беды. В этом и в любом другом возможном случае совесть решает относительно цели, или, говоря яснее, человек одобряется или осуждается в соответствии с целью, к которой он стремится; и это то, что все люди имеют в виду, вынося моральные суждения друг о друге. Мы всегда стремимся узнать цель, к которой стремится человек, чтобы определить, должен ли он быть принят или отвергнут судом совести, и если цель одобрена, ошибка в средствах, как бы ни была она прискорбна, вызывает сострадание, а не осуждение.

Итак, предлагаемая в каждом случае цель – это личное дело, в котором ни один человек, в своем собственном случае, не может ошибиться; – если она одобрена, человек находится в правильном состоянии для поиска средств для ее осуществления; но если цель не одобря-

ется совестью, а человек все же стремится ее достичь, то очевидно, что совесть не виновата. Она, по предположению, выполнила свою функцию и осудила цель, которую, тем не менее, под влиянием других факторов, человек побуждается искать. Происходит разрыв. Единство нарушено. Человек вкусил от запретного плода и становится изгнанником из Рая. Теперь он странник, и вопрос в том, как ему быть спасенным и возвращенным в сад? Алхимики, как я их понимаю, единогласно указывают на совесть, как на нетленную и неподкупную деву, которая, хотя и затемнена заблуждением, является единственным инструментом, с помощью которого странник может быть спасен, с сохранением того, что они называют *pondus*, то есть субстанциальной реальности индивида.

«Великая трудность» заключается в том, чтобы привести совесть в здоровое действие, не унижая субъекта, что, как говорят алхимики, всегда происходит, когда применяется насилие, причем все внешние влияния и средства, страхи и т.д. называются «коррозивами». Такова доктрина алхимии; но она чудесным образом сокрыта и погребена в фигурах и баснях по причинам, которые, возможно, в наш век имеют меньший вес, чем в прошлом.

Чтобы еще дальше показать широту владычества совести, я должен сослаться на то, что люди называют *честью*, и заметить, что нет другого принципа чести в человеке, кроме этого одного – совести. Я, конечно, имею в виду истинную честь, а не слепое почтение к условному кодексу, определенному какими-то произвольно придуманными понятиями узколобых, невежественных, высокомерных и властных людей, имеющих лишь местное существование и влияние. В строгом смысле, ничто не является почетным, кроме того, что правильно, и должно быть совершенно ясно, что ничто неправильное не может быть почетным. Принцип, который определяет, что правильно, определяет также и то, что истинно почетно; и поэтому, говорим ли мы, что правильно жить по чести, или почетно жить праведно, мы говорим одно и то же.

Большинство кодексов чести, как их называют, поддерживаются любовью к репутации, благодаря которой люди подчиняют свое поведение правилу некоторого внешнего закона; но даже здесь субъекты этого закона либо одобряют закон, что может случиться, либо убеждают себя, что *правильно* сообразовываться с законом, предписанным данным обществом, в котором они живут; или, если нет, они не могут чувствовать себя удовлетворенными, живя в соответствии с ним.

Я добавлю здесь, что совесть также является единственным принципом добродетели; ибо добродетель заключается не в суждении о том, что может способствовать благополучию в благоразумном смысле, за исключением тех случаев, когда добродетель сама признается также и высшим благоразумием. Благоразумие может быть добродетелью, но добродетель не определяется благоразумием; примерно так же, как мы можем сказать, что синий – это цвет, но цвет не может быть определен тем, что он синий.

Я даже пойду дальше и скажу, что большинство, если не все, вопросы религии в конечном итоге определяются обращением к тому же принципу – совести. Именно так люди рассуждают об *обязанности* посещения богослужений и жизни в соответствии с большинством обычаев религиозных людей.

Высшая из всех религиозных обязанностей – это повиновение Богу; и все же это, согласно используемой фразеологии, имеет свое основание в совести. Говорится, что для творения *правильно* повиноваться Творцу. Повиновение, оказанное на любом другом основании, не было бы свободным, а будучи вызвано либо надеждой на награду, либо страхом наказания, лишено добродетели. Чувство долга, озаренное любовью, является истинным основанием того совершенного повиновения Богу, которое является целью всей чистой религии.

В Коране нет ничего более оскорбительного, чем постоянное осуждение на «адский огонь» неверующих, просто потому, что по природе вещей страх никогда не делал и не может сделать человека честным.

Определить, какое именно поведение угодно Богу, может быть делом других принципов, в которых люди могут сильно расходиться. Но это различие в суждениях, применяемых к фактам при решении вопросов истории и т.д.; однако, когда удается решить, что какое-либо конкретное поведение человека угодно Богу, *обязанность* подчинения уже предписана в совести.

В дополнение ко всему сказанному, есть один способ постановки вопроса, который, кажется, исключает всякие споры; ибо пусть будет предположено, что какой-то другой закон, помимо закона совести, имеет больший авторитет, как он может быть подтвержден, если не самой совестью, к которой в конечном счете необходимо обратиться за одобрением закона? ибо сказать, что человек *должен* руководствоваться каким-либо законом, значит использовать язык совести. Если же можно предложить какое-либо правило до совести, которое *по праву* требует повиновения, то было бы *неправильно* повиноваться закону совести; но поступать правильно – это самая суть закона совести; так что, предпочитая другой закон, человек доходит до абсурда, утверждая, что неправильно поступать правильно.

Нет места, где сила совести проявляется так полно, как на исповеди, и нет людей в мире, более способных понять силу совести, чем католическое духовенство. Без сомнения, в практике исповеди сопутствующе действуют многие принципы, особенно страсти надежды и страха; но в подавляющем большинстве случаев совесть является главной движущей силой, поддерживающей исповедальню, и в некотором смысле ее можно считать опорой всего здания Католической Церкви.

В большинстве случаев слово «дух» в Псалмах и Притчах, а также в других местах Писания, означает *совесть*; как в Притчах xviii. 14: «Дух человека переносит его немощи; а пораженный дух – кто может подкрепить его?» – что означает именно это: добрая совесть поддержит человека в немощах, но никто не может вынести уязвленной совести; и поскольку это так, и поскольку средства примирения являются объектом не столько совести, сколько суждения, которое подвержено ошибкам, множество людей ищет его в формах установленного вероучения, которое другие считают единственно действенным. Исповедальня предоставляет средства примирения с Богом, то есть, с собственной совестью; ибо она приходит в конечном счете к этому. Ни один католик не может чувствовать себя принятым Богом, пока не удовлетворит свою собственную совесть соблюдением того, что считается необходимым для этой цели. Все жертвы, обряды поклонения, соблюдение церковных форм и церемоний и т.д. в конечном счете имеют одну великую цель, а именно, чувство единения или принятия Богом, и это по своей сути означает не что иное, как то, что человек может примириться в своей собственной совести. Оставьте хоть малейший изъян в совести, и человек в этой мере становится изгнанником и отверженным от присутствия Бога; и это не случайный, а необходимый результат.

Трудность в этом вопросе заключается не в совести, а, как я уже говорил, в суждении о средствах, применяемых для исполнения велений совести. Например, правильно для человека искать славы Божьей; но делать это разумно требует самого глубокого из всех знаний, знания Бога и того, что служит Его славе; или, если для человека правильно искать блаженства здесь или в будущем, требуется подобный же вид знания. Возможно ли это знание без очищенной совести – это может быть вопросом, и в этом пункте алхимикам, возможно, пришлось бы защищаться; я лишь намекаю на этот момент, чтобы показать, что он мне пришел на ум.

Если кто-нибудь теперь спросит, что такое эта совесть и каково ее происхождение, я бы предложил ему обратиться к своей совести за ответом, будучи совершенно уверен, что, если она у него есть, ему достаточно ее допросить; а если у него нет совести, то несомненно, что он никогда не предстанет перед ее судом; но столь же несомненно, что такой человек никогда не узнает, что значит быть свободным, но должен будет жить и умереть рабом своих страстей, и никогда не познает истинного душевного покоя.

Я не хочу, чтобы меня понимали так, будто *ртуть, наша ртуть, философская ртуть* и т.д. – это выражения, всегда используемые в одном смысле. Далеко нет. *Ртуть* часто использу-

ется просто для обозначения человека, но иногда она используется для обозначения природы во вселенском смысле; затем для того, что некоторые понимают под духом природы, и снова для духа человека, причем каждый писатель допускает некоторую вольность в использовании этого, да и любого другого слова, используемого символически, – намеренно, как кажется, чтобы заставить ученика проверять сказанное, испытывая его «возможностью природы». Некоторые писатели изобретают совершенно новые слова, не имеющие вообще никакого значения, предоставляя читателю угадывать их значение по приписываемым им качествам; как если бы кто-то описал *эриф*, сказав, что это нечто, чем можно поджарить яблоко, то было бы нетрудно догадаться, что *эриф* означает огонь.

Как правило, совесть называется *философской ртутью*, или *нашей ртутью*; но, каким бы именем ее ни называли, она является инструментом совершенствования и путем к цели.

Я признаю, что работа «круговая», как говорят сами писатели, и что конец в некотором смысле является и началом, что, возможно, как единый момент, и есть величайший секрет всего дела. Отсюда писатели говорят нам, что, чтобы сделать золото, мы должны иметь золото; что не очень-то и туманно, в конце концов, если мы понимаем, что тот, кто хочет найти истину, должен быть истинным; и это также соответствует Писанию, ибо тот, кто хочет найти благодать, должен иметь благодать, чтобы ее искать.

Мы находимся в центре вселенной и не знаем ничего ни о ее начале, ни о ее конце, за исключением того, что и то, и другое содержится в настоящем; и как это понять, не может не быть трудным и должно сводить все рассуждения на эту тему к кругу или к нулю. Но факт предшествует всякому аргументу, так же как и совесть, и оба они одинаково сокрушают все попытки их игнорировать.

Говоря о различных употреблениях слова *ртуть*, я могу также сказать, что во множестве мест можно найти два слова, соединенные вместе, но не всегда в одном и том же смысле; как, например, *Сол* и *Луна*, золото и серебро, мужское и женское, брат и сестра, Голуби Дианы, *circulatum majus* и *circulatum minus*, больший магнит и меньший магнит; и, действительно, бесконечное разнообразие других названий, смысл которых должен определяться контекстом, проверенным «возможностью природы». Новичка в таких исследованиях может удивить бесчисленное количество коррелятов, которые можно найти в природе, начиная с макрокосма и микрокосма; ибо у нас есть причина и следствие, активное и пассивное, небо и земля, божественное и человеческое, верхнее и нижнее, добро и зло, надежда и страх, душа и тело, и бесконечное количество других пар; ибо мы читаем: «Все вещи двойственны, одна против другой; и Бог не сотворил ничего несовершенного. Одно утверждает благо другого» (Премудрость Иисуса, сына Сирахова xlii. 24). Там, где я осмелился использовать слова *Душа* и *Тело* в толковании некоторых из этих пар, я должен извиниться и попросить читателя не воображать, что простым использованием этих слов вещи становятся известными; и прежде чем он подумает, что знает эти вещи, я бы порекомендовал ему поискать их в том «сундуке», где Вильгельм Мейстер нашел Давида и Голиафа, мирно лежащих бок о бок.

Читатель заметит, что я лишь пытаюсь намекнуть на способ письма, принятый алхимиками, не защищая его. Я намерен вскоре показать, что совесть, полное знание которой нельзя предполагать, является пробным камнем всех их писаний, и что *путь* к Философскому Камню лежит через нее или посредством нее. Нет ничего проще с этой точки зрения, в то время как с другой точки зрения нет тайны, превосходящей ее, ибо она соизмерима с самой жизнью. Это тайна жизни.

Если совесть – это путь к Философскому Камню, – слышу я восклицание, – почему бы не сказать об этом прямо? зачем эта мистическая болтовня о соли, сере и ртути? Этот вопрос, без сомнения, часто возникает. Я уже изложил то, что считаю двумя причинами скрытного способа письма, и могу добавить здесь, что сама простота учения, или входа в него, вызывает сомнение или отрицание действенности такого рода ртути в достижении какой-либо необы-

чайно хорошей цели; отсюда люди смотрят вовне, прочь от себя, и желают каких-то чудесных, если не сверхъестественных и непостижимых, средств для осуществления надежды на лучшее в каком-то далеком будущем. Кроме того, почти все люди хотят спастись *в* или *со* своими грехами («излишествами»), а не через *отделение* от них. Учение Христа, которому алхимики строго следуют, недвусмысленно против этого; тем не менее, для множества людей надежда на будущее – это не более чем искусственный компромисс, по которому грешник соглашается принять обещание будущего при условии, тайно оговоренном, что его не будут беспокоить в настоящем. Конечно, будущее предъявляет к нам свои требования; но, возможно, единственный способ обеспечить его – это быть правым сейчас и оставаться таким.

Как слово *ртуть* используется в нескольких смыслах, так и слово *огонь*. В некоторых случаях оно означает интеллект, но в общем оно означает совесть в индивиде: иногда оно означает то, что не без основания называют общественной совестью: или это принцип в роде человеческом, который вечен, переживает все колебания в обществе и правительствах; он живет вопреки всей софистике и остается навсегда невозмутимым философскими и религиозными спорами.

Епископ Тейлор сказал, что «Бог дал нам совесть, чтобы она была вместо Него для нас, чтобы давать нам законы, и требовать повиновения этим законам, чтобы наказывать тех, кто отступает, и награждать послушных». «И поэтому, – продолжает этот великий человек, – совесть называется домашним стражем и домашним богом, духом или ангелом места; и когда мы призываем Бога в свидетели, мы лишь имеем в виду, что наша совесть права, и что Бог, и наместник Бога, наша совесть, знают это».

«Совесть, – говорит доктор Саут, – это латинское слово, хотя и с английским окончанием, и, согласно самому его значению, оно подразумевает двойное или совместное знание; а именно, одно – божественного закона или правила, а другое – собственного действия человека; и таким образом, это собственно применение общего закона к конкретному случаю практики».

Но совесть, как я неоднократно говорил, – это лишь *путь* или *средство* в том, что называется великим деланием; незаменимое, конечно; ибо без него алхимики говорят, что ничего нельзя сделать в «Искусстве»; но когда эта начальная точка обеспечена, они затем говорят о *посеве*, в этой философской ртути, того, что они называют **ФИЛОСОФСКИМ ЗОЛОТОМ**, которое иногда называют Венерой.

Это **Любовь**; любовь к Богу и человеку; о которой, я признаюсь, я не желаю много говорить, чтобы не зайти за пределы своей глубины. Те, кто хочет увидеть некоторый рассказ об этом у Платона, могут обратиться к «Пиру» и научиться заменять вульгарное понятие платонической любви вдохновением любви к Истине; ибо это и есть платоническая любовь, привитая лишь на очищенную совесть и недоступная нечестивому человеку, живущему в своих грехах.

Глава 5. Анализ трудов адептов: Голланд, Артефий и Валентин

В качестве доказательств того, что я до сих пор излагал, я приведу отрывки из нескольких авторов, на которых ссылались как французский писатель, так и рецензент, а также из некоторых, не упомянутых ни одним из них. Оба они ссылаются на **Исаака Голланда**, (пятнадцатого века, по Дюфренуа), но не дают никакого отчета ни о нем, ни о его работе.

Я сделаю несколько выдержек из его писаний, которые будут легко поняты с данными мной объяснениями. Название тома: «**Труд о Сатурне. Иоанна Исаака Голланда.** Опубликовано на английском языке, 1670».

Я говорил, что алхимики часто говорят о человеке под именами металлов, и что они часто называют их астрономическими именами. В этом трактате *Сатурн* означает *Свинец*; но поскольку под *Свинцом* подразумевается человек, как это будет видно далее, настоящее название работы – **Трактат о Человеке**. Чтобы избежать недопонимания, даже в незначительном моменте, я должен сказать, что под *Сатурном* иногда подразумевается не просто человек, а человек в состоянии *смирения*.

Предисловие английского переводчика, будучи кратким и «наводящим на размышления», я скопирую полностью, как следует.

«Любезный Читатель, – Философы много писали о своем *Свинце*, который приготовляется из *Сурьмы*, как учил Василий; и я придерживаюсь мнения, что этот Сатурнический труд наипревосходнейшего философа, М. Иоанна Исаака Голланда, не следует понимать как обычный свинец, если только материя камня не подразумевается тем самым гораздо больше, но как *Свинец Философов*. Но будь то обычный Сатурн материей философского камня или нет, вы получите достаточное удовлетворение из следующей работы, которая публикуется на благо всех любителей этого Искусства, ибо она излагает и провозглашает Камень Огня. *Vale*».

Камень Огня – это конец практики, о котором я не хочу говорить подробно. Я лишь настаиваю на том, что предмет – это человек, и я постараюсь указать *путь*, – а именно, через совесть.

«Во имя Господа. Аминь».

«Дитя мое, ты должен знать, что камень, называемый Философским Камнем, происходит от Сатурна».

«И знай, дитя мое, по правде, что во всем растительном мире нет более высокой или большей тайны, чем в Сатурне: [то есть, человек – это чудо вселенной, и содержит в себе величайшие из тайн, – во что должны верить те, кто считает его образом Божьим:] ибо мы не находим того совершенства в золоте, которое находится в Сатурне; потому что внутренне он – хорошее золото [он содержит образ Божий]; в этом все философы согласны; и ему не нужно ничего другого, кроме того, чтобы вы сначала удалили из него то, что является *излишним*; а затем, чтобы вы вывернули его внутреннюю сторону наружу, которая есть его краснота: тогда он станет хорошим золотом. [Это лишь другой способ учения, подобный учению Исаии. Я не говорю, что это такой же хороший метод, но я утверждаю, что Голланд имеет в виду то же, что и Исаия, где он говорит (глава i.): «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих» и т.д. Стих 22 этой главы изложен на языке, присвоенном алхимиками: «Серебро твое стало изгарью, вино твое смешано с водою».] Ибо, – говорит Голланд в продолжение, – «золото не может быть сделано так легко из чего-либо, как из Сатурна; ибо Сатурн легко растворяется и сгущается, и его *ртуть* может быть извлечена из него более легко». [Теория здесь заключается

в том, что совесть проявит себя и станет активной, когда *излишества*, в которых она погребена, будут удалены; возможно, в смысле Иакова i. 21.] «И эта ртуть, извлеченная из Сатурна, будучи очищена и сублимирована, как ртуть обычно сублимируется, я говорю тебе, дитя мое, что та же ртуть так же хороша, как и ртуть, извлеченная из золота, во всех операциях».

Здесь подразумевается, что все люди по своей сути одной природы, и что все причастны образу Вечного.

«Если Сатурн внутренне является золотом, как это и есть на самом деле, то его ртуть должна быть так же хороша, как ртуть золота».

«Дитя мое, запри это в своем сердце и разумении: этот Сатурн – это камень, который философы не назовут; его имя было сокрыто до сего дня. … Имя остается сокрытым из-за зол, которые могли бы произойти от его известности». [Обратите внимание на уже приведенные причины для тайны, особенно на вторую причину, а именно, опасность предложения изменения в основании долга, от надежды на награду к чувству долга, как таковому, независимо от надежды и страха.]

«Все странные притчи, которые философы мистически говорили о камне, луне, печи, сосуде, – все это Сатурн [то есть, все сказано о человеке]; ибо вы не должны класть в него ничего чуждого [ничего чуждого его природе], но только то, что выходит из него. Нет на свете такого бедняка, который не мог бы производить и способствовать этой работе; ибо *Луна* может быть легко сделана из Сатурна, за короткое время, [здесь *Луна* означает очищенные аффекты,] и немного погодя из нее можно сделать *Сол*. [Под *Солом* здесь я понимаю интеллект, который проясняется по мере очищения аффектов; большая часть того, что называют интеллектом, – бойкая сообразительность и хитрая проницательность, продукт животных духов, подкрепленный хорошей памятью, – не есть истинный *Сол*.]»

«И хотя человек беден, он все же может очень хорошо достичь этого, и может быть занят изготовлением философского камня».

То есть, каждый человек, каким бы скромным ни было его призвание, может делать лучшее, на что способен, на своем месте, – может «любить милосердие, поступать по правде и смиренномудренно ходить пред Богом»; и чего еще требует Бог от любого человека? (Михей vi. 8.) М. Фигье замечает, что большое количество авторов подтверждает, что бедные владеют философским камнем, так же как и богатые; и, конечно же, они владеют им, если мы под ним понимаем истину, доброту, моральное совершенство, Божье благословение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.